

Свирский Алексей Иванович

История моей жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Иванович С.**
История моей жизни / Свирский Алексей Иванович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 138 с.

ISBN 978-5-519-85054-4

ISBN 978-5-519-85054-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

У Хаси от внутреннего смеха колышется живот.

— Ну, иди уж домой, великий путешественник... Тебя со вчерашнего дня ищут...

— Почему ищут? — спрашиваю я настороженно.

— Потому, что каждую вещь принято искать, когда она пропадает... Вчера я весь день искала мочалку... Ну, иди уж...

Следую за Хасей и в то же время стараюсь по ее глазам, по выражению лица догадаться об ожидающей меня участи.

Опять я на старом месте. Скоро начнутся занятия, и на моей обязанности — привести училище в надлежащий вид. Мною все довольны. Взрослые удивляются моей силе и ловкости. Один, без посторонней помощи, передвигаю парты и классные доски. А когда мою полы, я тряпку так выжимаю, что после меня ни одной капли не выдавишь...

Получаю то самое жалованье, что и Давид, — пятьдесят копеек в день или пятнадцать рублей в месяц, а лучше сказать — сто восемьдесят в год. Вот так цифра!.. Пусть кто-нибудь попробует через год помешать мне уехать в Америку, когда, обутый и одетый, я взойду на пароход с билетом в боковом кармане!..

Моя бывшая учительница Анюта относится ко мне с прежним дружелюбием; но до переэкзаменовки осталось несколько дней, и сейчас ей не до меня. Да и мне тоже некогда — мы готовимся к царскому празднику. Заведующий училищем хочет не только зажечь плошки по всему фасаду дома, но еще пустить фейерверк.

По поводу фейерверка между Сегалем и учителем Резником происходит спор. Стою у закрытой двери и прислушиваюсь. Голос учителя — высокий и тонкий — взволнованно поднимается над низким грудным говором заведующего.

— Я спрашиваю, почему мы, евреи, должны особенно стараться?.. Почему именины русского царя вы хотите превратить в наш народный праздник? Давно ли мы пережили погром?

— Для того, — не повышая тона, перебивает учителя Сегаль, — чтобы погрома в дальнейшем не было — мы обязаны всем нашим поведением доказать, что мы такие же верноподданные, такие же...

— Бросьте!.. Этим не поможете!.. Чем ниже раб стигает спину, тем выше над ним взлетает кнут палача!.. — кричит Резник.

Приближаются шаги. Я отскакиваю от двери. Входит Сегаль. На нем коричневый поношенный пиджак, а на руках — темносерые перчатки.

Заведующий сегодня работает в качестве пиротехника, поэтому одет в столь необычный для него костюм. Но и сейчас он производит впечатление гордого, недоступного человека, и меня удивляет смелость маленького узкоплечистого Резника, спорящего с таким строгим человеком.

Боюсь Сегалья. Меня пугают его красивое бледное и малоподвижное лицо, обрамленное черной волнистой бородой, и безогненный взгляд больших темных глаз.

— Послушай, — обращается он ко мне, — ты умеешь толочь уголь?

— Да, — не задумываясь отвечаю я и при этом, из вежливости, опускаю руки по швам.

— В таком случае сделай вот что: пойдешь к Хасе, и пусть она тебе даст ступку... или нет, пусть сама натолчет мелко-мелко... Надо только коробочку найти...

— У меня есть, — с живостью перебиваю я, — табачная коробочка... От Зайдемана осталась... Годится?

— Конечно годится. Но прежде всего сходим с тобой в сарай: там за полками у задней стены лежит картон для переплетов...

У меня кровь приливает к лицу — сейчас произой-

дет то, чего я пуще всего боюсь. Сегаль заметит исчезновение газетного комплекта, и начнется допрос...

Чтобы этого не допустить, я иду на маленькую хитрость: первый всгаю в сарай и босыми ногами поднимаю такую пыль, что заведующий, чихнув и закашлявшись, остается у порога, не решаясь войти.

С большим трудом мне удастся вытащить из-под темных труд газетного старья огромнут кипу, перевязанную толстой веревкой. Волочу по сараю непосильный груз, обливаюсь потом и выползаю на воздух черным пуделем.

Хозяин, боясь запачкаться, пятится от меня и отмахивается носовым платочком.

— Фуй, какая грязь!.. Надо заняться сарасм как следует. А эту пачку тащи к черному ходу. Там развяжешь перепку, перетрешь листы тряпкой. И скажи Хасе, чтоб она тебе помогла.

Я слушаю, улыбаюсь всеми зубами и время от времени рукавом рубахи вытираю пот с лица, или вернее — размазываю грязь.

— Потом, — продолжает Сегаль, — отдельными частями перенесешь картон во второй класс. Там, на столе станем делать гильзы для фейерверка и бенгальских огней... Кстати, умойся... На тебя смотреть страшно...

— Хорошо... Слушаюсь... — беспрерывно повторяю я, и с трудом сдерживаю буйный прилив горячей радости.

Меня приводит в восторг ласковое отношение ко мне заведующего и, главным образом, то обстоятельство, что мы вместе делаем фейерверк и какие-то бенгальские юнны, никогда мною не виданные.

Хасю нахожу в кухне. Толстуха сидит на широкой скамье и дерет гусиные перья. На полу играет солнце. Две наволоки, — заменяют мешки, — наполнены пе-

ром и пухом. Вокруг стряпухи и над ее головой кружатся белые пушинки.

— Не входи — запачкаешь пол! — восклицает Хася, завидев меня. — Из какой трубы вылез ты?..

— Не из трубы, а из сарая, — смеясь и тяжело дыша, отвечаю я. — Тетя Хася, вам приказал господин заведующий...

— У евреев нет господ, — перебивает меня Хася, — и свиней тоже нет; а потому — иди к колодезю, смой всю черную грязь, а затем уже будем разговаривать.

Она встает и встряхивает передник. От ее движений поднимается пушистая метель, напоминающая давно прошедшую зиму.

В просторную классную комнату внесен из учительской большой стол, а за столом сидим мы: Анюта с Женей, их отец и я. На столе мисочка с клейстером, клубок суровых ниток, ножницы, шило, кисточки и грудка разноцветной бумаги.

Мы готовим ракеты. Сам заведующий с помощью ниток, круглой палочки и шила делает из нарезанного картона трубки, а мы эти трубки оклеиваем красной, голубой, желтой, фиолетовой глянцевитой бумагой.

Я окончательно осваиваюсь и чувствую себя здесь своим человеком. Смелость моя доходит до того, что я позволяю себе шалить с дочерьми моих хозяев. То Женю толкну под локоть, то у Анюты вышибу из рук кисточку. Сестры отвечают тем же: моя учительница намазывает клейстером клочок цветной бумажки и прилепляет к моей щеке. Под визгливый хохот Жени я подолом косоворотки вытираю лицо.

Входит жена заведующего. Эта маленькая рыжая женщина всегда одета по-праздничному. И сейчас на ней белое ажурное платье, пышно отделанное широки-

ми кружевами цвета крем. В ушах сверкают круглые камешки, а на длинной золотой цепочке висит и болтается у самого живота перламутровый лорнет. Тонкая талия, крохотные золотые туфельки на высоких каблучках, маленькие осторожные шажки и плавно раскачивающаяся фигура делают мою хозяйку, похожей на большую птицу из зоологического сада.

— Настоящая фабрика, — произносит она тонким певучим голосом, подойдя к столу. — Тебе волосы не мешают? Они у тебя совсем на глаза надвигаются, — обращается она ко мне.

— Нет, не мешают, — звонко отвечаю я и лихим кивком головы отбрасываю к затылку свои действительно длинные и нечесанные кудри.

Клара Мироновна, — так зовут Анютину маму, — берет в руку лорнет, надавливает какую-то кнопку; выскочившие очки она прикладывает к переносице, щурит голубые глаза, рассматривает меня и говорит:

— Удивительно: сам еще мальчик, а руки взрослого — толстые и жилистые...

— Мама, а ты пощупай, какие у него мускулы! — радостно кричит Анюта. — Шимеле, покажи маме!.. — приказывает она мне.

Встаю, вытягиваю во всю длину левую руку и, весь содрогаясь от напряжения, медленно тяну крепко сжатый кулак к плечу.

Клара Мироновна двумя пальцами дотрагивается до моего вздувшегося бицепса и отступает в изумлении.

— Бернард, ты посмотри, какая у него мускулатура! — восклицает она, обращаясь к мужу. — Он настоящий силач!..

— Да, среди литовских евреев попадаются крепыши, — тоном ученого поясняет Сегаль.

В это время в дверях показывается Хася. Она подходит к нам, ставит на стол дымящуюся черной пылью

коробку, наполненную толченым углем, и кончиком передника вытирает лицо.

Нас начинает разбирать смех. Первая колокольчиком рассыпается Женя. Волею за нею закатывается Анюта, а когда я своим высоким и крепким альтом выбрасываю из глотки неудержимый, раскатистый и заразительный хохот, — то не выдерживают и взрослые: отец Анюты зарывает в бороду густой смешок, причем его большие темные глаза наполняются веселым блеском. Клара Мироновна не смеется, а кудахчет, и при этом, сгибаясь, становится ниже ростом, а желтые кудряшки завитых волос золотыми колечками катятся по черным круто изогнутым бровям.

Смех вызван тем, что Хася кончиком передника, запачканного углем, навела себе усы и маленькую эспаньолку на круглом подбородке.

— Хася, вы сейчас настоящий молодой испанец! — сквозь смех выкрикивает Анюта.

— Слава богу, что молодой испанец, а не молодая дура! — огрызается Хася и под общий смех уходит, сердито хлопнув дверью.

Своими хозяевами я очень доволен: они зря не бранят меня и обращаются просто: иногда забываю, что я их слуга. Больше же всего меня приводит в отличное настроение сознание: я здесь необходим. Ведь недаром же заведующий не отпускает меня и мы вместе готовим ракеты, начиняя их порохом, селитрой, углем и еще чем-то.

Работаем на дворе возле сарая, где, по указанию Сегалы, мною вырыта небольшая ямка.

День чудесный. Горячее солнце на высоком голубом небе и приятная прохлада в тени дают мне бодрость и твердую уверенность, что жизнь — замечательно хорошая вещь.

Заведующий сидит на корточках и с помощью круг-

лой палочки и деревянного молотка набивает картонную гильзу темносерой массой.

Сижу напротив хозяина и, заинтересованный до крайности, слежу за каждым его движением.

Первая ракета уже готова. Принимаемся за вторую.

— Принеси остальные палочки. Они лежат у меня на столе...

Заведующий не успевает кончить, как я уже улетаю, а через минуту возвращаюсь с тремя палочками в руке. Вот уже предо мною широкая спина и белая фуражка на черноволосой голове. Сейчас протяну к хозяину палочки с вежливым словом «извольте»... Но мне не удастся этого сделать: сильный сухой треск и облако дыма преграждают путь.

Слышен слабый человеческий крик, и Сегаль падится навзничь. Его обожженное лицо неузнаваемо: оно покрыто черным песком, борода наполовину опалена; а вместо глаз — кровавые щелки.

На взрыв появляются люди. Первая прибегает Аня. Мелькают лица Жени, Хаси... Теснятся любопытные. Слезы, вздохи, рты, искривленные состраданием, молчание, тишина. Появляются носилки, на них укладывают грузное тело Сегали. Обезображенное безглазое лицо покрывают куском черного шелка... И нет заведующего, и никто не думает о фейерверке.

Доктор говорит Кларе Мироновне, что пострадавший выздоровеет, но зрение не вернется.

Маленькая хрупкая женщина стойко выслушивает врача, не плачет и на деле оказывается сильнее всех.

Приходит Резник. Он очень взволнован.

— Я как будто предчувствовал, — говорит он: — всячески упрощал не делать из пустяка события... И вот результат...

— Ты был прав, но сейчас спорить уже поздно... Бернарду необходим полный покой...

Клара Мироновна тихо в мягких туфлях удаляется в комнату больного.

Вечером, после ухода врачей и родных, я мельком вижу хозяйку, сидящую за тем самым столом, где мы недавно делали фейерверк и где наши здоровый молодой смех звенел во всех углах обширной комнаты.

Клара Мироновна сидит спиной к дверям в скорбном, согбенном положении. По ее вздрагивающим плечам и заглушенным всхлипам я догадываюсь, что мама Анюты и Жени прячет от людей свое горе.

Неслышно прохожу мимо и на ходу кулаками вытираю мои намокшие глаза.

Все, что приказывает мне Клара Мироновна, я исполняю с особенным старанием. Мне хочется быть полезным, оказать помощь и насколько возможно облегчить тяжесть несчастья.

На другой день состояние больного окончательно определяется: Сегаль навсегда останется слепым, а наружные ожоги лица пройдут бесследно.

Клара Мироновна просит меня достать для больного кусочек льда.

Бегу к Хасе, хватаю первую попавшуюся кастрюлю и мчусь в «Белый орел». Действую с быстротой пожарного.

В трактир проникаю через черный ход и неожиданно попадаю прямо на кухню, где десяток поваров в белых передниках и колпаках суетится вокруг огромной плиты, утопая в жирном пару.

— Нет ли льду у вас?.. Мне для больного... Один маленький кусочек... — кричу я, переступив порог.

— А пот этого не хочешь?

Надо мною склоняется длинное морщинистое лицо с двумя черными клыками на нижней беззубой челюсти.

Отшатываюсь к дверям и не могу отвести глаз от уродливого лица старшего повара.

— Эй, берегись! — раздается позади меня.

Оглядываюсь и в испуге отскакиваю в сторону: еще одно движение — и я мог упасть в глубокий подвал. Только сейчас, после окрика, я замечаю на полу рядом со мною поднятую деревянную крышку над зияющим квадратом черной пустоты. Из темной глубины по невидимой лестнице поднимается двуногое чудовище, нагруженное огромным кулем, наполненным пудовыми глыбами каменного угля.

Матовый взгляд серых глаз, запыленная бородка в виде обрезка койлока и на широкой обнаженной груди татуировка, изображающая обломок якоря и плачущую женщину, — напоминают мне известного босняка «Мотю-Стой».

Великан, поднявшись наверх, сбрасывает ношу под лестницу, ведущую на второй этаж трактира.

Мотя узнает меня и приветливо скалит зубы.

— Ты что тут делаешь? — спрашивает он меня.

— За льдом пришел... Вчера у нас взрыв случился. У заведующего глаза лопнули... От пороха... Вот я и пришел за льдом, а они не дают...

— У них на крещение льду не выпросишь, а уж летом и подавно... Ну, давай посуду — сейчас достану...

Мотя-Стой берет у меня кастрюлю и обратно спускается в подвал.

Проходит время. Сажу на корточках под лестницей и жду великана. Половые в белых косоворотках с измятыми салфетками на изгибе руки торопливо спускаются в кухню с различными заказами.

Надо мною скрипят деревянные ступени трактирной лестницы, сыплется мелкий песок, и в легкое движение приходит тонкий прозрачный паутинный щит, хитро сплетенный пузатым серым пауком. Вижу самого мастера. Быстро перебирая длинными петлистыми ногами, он поднимается по невидимой воздушной нити и там, на высоте, забившись в угол, зорко осматривает

выпученным глазом собственное произведение и ждет недогадливых мух.

— Отбивной котлет!.. Сборный гарнир!..

— Скобелевские битки — соус томат!..

— К паре пива — тарань да сушки!..

Прислушиваюсь к звонким голосам подростков и завидую им. Мне думается, что я не хуже их мог бы исполнять обязанности полового. Что тут особенного?.. Пустяки, а не работа...

Но куда запропастился Мотя? Я уже готов сам спуститься в подвал, когда наконец появляется нечесаная голова... В широких и черных ладонях Моти особенно ярко сверкает кристально чистый квадрат искусственного льда.

— Черти полосатые, — ворчит Стой, — замок повесили... Бояться — провизию уташат... А кому она нужна?.. Пришлось сорвать... Ну, и задержался малость... Тикай да не оглядывайся...

Запоминаю выражение Мотиного лица. Оно такое же легливо-спокойное и виновато-улыбчивое, каким оно было во время погрома, когда Мотя-Стой одиночно, с помощью своей колоссальной спины опрокидывал на Толкучке деревянные лавчонки знакомых евреев.

2. ТЮРЬМА

Жизнь налаживается. Сегаля лечат бинтами и примочками. Заведывать училищем он уже никогда не будет: слепым запрещается служить. Говорят, наше училище совсем закроют. Вообще носятся слухи, что всем еврейским казенным школам скоро наступит конец. Новый Александр не любит евреев и хочет запретить им учиться. Вот в кого хорошо бы бомбой угодить!..

В один из самых жарких дней Клара Мироновна посылает меня в аптеку получить заказанные бинты и